

ЕВГЕНИЙ КОСТИН

ШОЛОХОВ И РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ СЕГОДНЯ

К выходу в свет Шолоховской энциклопедии (М., Издательский дом “Синергия”, 2012)

Подарив только что изданную Шолоховскую энциклопедию многолетнему заведующему кафедрой русской литературы Вильнюсского университета, участнику первых Шолоховских чтений, глубокому знатоку “Тихого Дона” профессору Ивинскому П. И., я услышал от него поразившую меня оценку. “Вот, — сказал он, — сколько каждому из вас, авторов энциклопедии, помогал Шолохов стать известными исследователями, стать настоящими людьми в высоком смысле слова, наконец, вы помогли самому Шолохову”.

Наверно, профессор сформулировал главный импульс, лежавший в основе деятельности большого коллектива авторов энциклопедии, в расширенном, правда, виде: помочь не только великому писателю, но всей русской литературе, русской культуре, находящимся сейчас в положении если не приниженном, то, безусловно, не являющемся приоритетным для современной России.

Парадоксально, но мысль, высказанная Шолоховым в давнем (прошло более 50 лет!) разговоре с сыном, о том, что в стране, тогдашнем СССР, продолжают процессы, начатые событиями 1917 года, — “Когда там по вашим учебникам гражданская закончилась? В 20-м? Нет, милый мой, она и сейчас ещё идёт. Средства только иные. И не думай, что скоро кончится”, — не кажется столь уж экстравагантной и применительно к нашему времени, к сегодняшнему состоянию России. Только понимать это надо в широком историческом контексте — как необходимость борьбы за сохранение исторического пространства России, за спасение её тысячелетней культуры, сохранение самого русского человека. По существу, Шолохов предвидел те коллизии, в которых очутились все мы, дети и наследники великого государства, сейчас, в уже разбежавшемся новом веке, отмерившем России почти четвертьвековую эпоху перехода из статуса одной из главных мировых держав в положение выталкиваемой разнообразными силами на задворки истории и цивилизации страны.

Что-то мы делали не так, к каким-то советам и ответам, данным Шолоховым ещё в “Тихом Доне”, мы не прислушались. Может, настало время заново

во перечесть наших великих классиков – от Пушкина до Шолохова – и по ним выстраивать пути развития общества, а не по кривоватым и убогим лекалам современной постмодернистской культуры? Той культуры, которая угнездилась в сегодняшних геополитических проекциях, в самом образе мысли, в сдвинутой психологии людей, в новых исторических концептах – в том, что составляет квинтэссенцию современного мира, в котором есть всё – от торжества однополой любви, от теснящихся на задворках либерального тренда христианских максим, от беззастенчивого обнажения всех человеческих пороков и тёмной стороны души, от совершения всех возможных преступлений против духа разумного и просвещённого человечества, некогда стремившегося к победе доброго над злым, светлого над тёмным, морали над грехом, – до торжествующей песни, распеваемой на разные лады, что главное всё же совершилось: исчезла “империя зла”, которая и мешала человечеству вмиг очутиться в состоянии всеобщей благодати и счастья.

С каждым годом становится всё отчетливее для каждого честного наблюдателя, что разрушенная страна – СССР – в её титанической духовной попытке реализовать нечто вроде царства справедливости на Земле, была чуть ли не последней надеждой человечества дать ему вектор развития, основанного не на поклонении “золотому тельцу”, не на поощрении его инстинктов и безудержного внеморального своеволия, но помнящего об истинной, высокой природе человека, ставящей рафаэлевскую “Мадонну” всё же впереди “Чёрного квадрата” и генитально-актуального искусства.

Незашоренное критическое сознание русской советской культуры XX века неизбежно выводило исследователей к вопросу об овладении “ветром истории” в самом глубоком философском смысле этого слова. По словам Д. Лукача, “большевизм предпринял грандиозную попытку “подвига скорого” (слова старца Зосимы из романа Достоевского) – попытку непосредственного действия и победы над злом здесь и сейчас”. Эта попытка изначально была обречена, так как она была замешана на насилии и трагической вине. Но этого мало. Внутри такого противоречия обнаруживается некая трагическая правда, к которой необходимо относиться всерьёз, так как она многое, если не всё, объясняет. Д. Лукач рассуждал об этом так: “Трагедия тогда, когда ошибка неизбежна именно для тех и прежде всего для тех, кто прав в самом глубоком, всемирно-историческом смысле слова. Ибо в истории бывают ситуации, когда совершение действия необходимо для продвижения истории, и совершают это действие те, кто правильнее всех понимает эту необходимость истории. Но, вместе с тем, политики, владеющие истиной ситуации, обречены на поражение, ибо полная победа их – впереди, а сегодня они должны погибнуть, ситуация не позволяет им победить, однако, погибая в борьбе, они сдвигают с мёртвой точки мировую историю” (Д. Лукач. Большевик как моральная проблема // Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970. М., 2011. С. 11).

Гибель российского государства в его “имперско-романовской” форме была той самой высокой жертвой, которая сдвинула с “мёртвой точки” мировую историю, обозначила человечеству возможность другого “проекта”, основанного не на торжестве предельно индивидуализированного подхода к социуму, к истории, к самому человеку. Советская культура в своих выдающихся образцах – это не просто преодоление художниками догм так называемого социалистического реализма, но разбор по самому высокому счёту залежей в тупиках социального и духовного развития человечества.

Русские писатели XIX столетия своим провиденциальным чувством почти все постигали эту назревающую правду исторической действительности России. Некоторые воспринимали её как своеобразную миссию. Осознание этого процесса в русской литературе XX века совершилось на удивление быстро, даже слишком быстро по привычным меркам культуры. Но только у небольшого числа писателей, ориентированных на объективное воспроизведение действительности с народной точки зрения и продолжавших фундаментальные традиции предшествующей культуры, это привело к значительным художественным результатам. Шолохов даёт нам дыхание новой истории России, которая началась с трагического (через процессы гражданской войны) осознания себя большинством народа как субъекта и – что существенно – *делателя* истории.

В этом моменте разговор именно о Шолохове. Его “Тихий Дон” — это книга о катастрофическом переломе в русской истории, о необходимости его преодоления, о трагических жертвах в этой борьбе, о силе отдельного и вовсе несистемного сопротивления человека, которое, тем не менее, кристаллизует всю ткань народа; об итоговом торжестве общей правды вместо индивидуальных целей, о спасении всего народа через гибель отдельных его представителей, о восстановлении справедливости и веры в высшие цели нации, о преодолении болезни народа. Это книга об историческом тупике, из которого надо и возможно выйти. В этом смысле нет более актуальной книги для “сегодня”.

Для русской литературы всегда главным было не “писание”, но “спасание”, именно общее “спасание”, а не личное “спасение”, которое само по себе для русской художественной традиции не имеет особого смысла. Превратить “слово” в “дело” для значительно большего круга людей, чем один, а не дай Бог — страшно и подумать! — в дело всего народа — такая сверхцель стала частью генотипа русской литературы. Не так ли и Шолохов в каком-то сверхусилии выдохнул “Тихий Дон”? С одной стороны, перед нами живой и единый национальный эпос, описывающий события трагического XX века, с другой — в нём расположились глубоко запряжанные ответы на главные вопросы бытия нации: как жить, куда идти и что помнить.

Сейчас уже ясно, что так называемый вопрос об авторстве “Тихого Дона” был одной из частей продуманного и, к сожалению, реализованного плана дискредитации как бы советского, а на самом деле — русского в культуре и истории. И это вовсе не конспирологическая версия, учитывая, какие силы и средства тратились и тратятся на доказывание недоказуемого. Продолжающаяся возня вокруг этого вопроса лучше, чем что-либо ещё, свидетельствует о том, что борьба с Россией, с русской культурой не прекратилась.

Борьба за Шолохова — это борьба за национальную культуру и саму возможность её существования. Не будем лукавить, разве не понятны нам — особенно остро сейчас! — попытки р-р-революционных интернационалистов и блюстителей новой культуры сразу после событий 1917 года сбросить “Пушкина с корабля современности”, объявить Достоевского “реакционером и антисемитом”, и разве не аналогичны они современным попыткам ряда деятелей растоптать Шолохова, его творчество?

Удивительным образом Шолохов попадает в одну из ключевых парадигм русской литературы, которая связана с “бегством”, уходом из художества. Начиная с Пушкина, который балансировал в конце своего пути на грани между художественной и исторической прозой, с Гоголя, который отказался от художественности в “Выбранных местах из переписки с друзьями” и во втором томе “Мёртвых душ”, русская литература настойчиво говорила самой себе и читающему обществу, что есть задачи выше и главнее, чем просто художество, просто эстетика. А Л. Толстой с его постоянными “качелями” от сложного литературного дискурса до лапидарных “народных рассказов”, от публицистики и нравственной проповеди до чистой моралистики безусловно христианского толка, а Достоевский, продолжавший исследовать мир героев своих романов в “Дневнике писателя” и журналистике, делавший тексты романов актуально публицистическими?

Но не таков ли и Шолохов, по сути, “замкнувший уста” после “Судьбы человека” и публикации второй книги “Поднятой целины” и ушедший из художественного творчества? Подчёркнутое сжигание им своих рукописей, черновики, всех без исключения, в том числе и глав романа “Они сражались за Родину”, говорит именно об этом. Никто до сих пор не провёл параллели между актами сжигания рукописей Гоголем и Шолоховым, но в их основе ощущение, данное считанному числу писателей: невозможно превозмочь, преодолеть, исправить действительность “художественным словом”. Конечно, немаловажную роль играют конкретные драматические обстоятельства, связанные с рукописями писателя: затерянный в предвоенной Москве, отданный для экспертизы полный текст “Тихого Дона” (к счастью, обретенный нами сейчас), разбомбленный вместе с домом архив писателя с черновыми набросками, вариантами рукописей, письмами читателей и собратьев-писателей во время Отечественной войны (на этом пепелище погибла мать писателя), постоянно

поправляемые партийными редакторами издания шолоховских произведений, наконец, искалеченный замечаниями высших руководителей текст романа “Они сражались за Родину”... Но самим своим присутствием в литературе он давал понять, к какому уровню правды надо стремиться в искусстве. Это ощущение и, по сути, требование очень точно воспроизвёл В. Шукшин после встречи с Шолоховым на съёмках фильма “Они сражались за Родину”.

По поводу Л. Толстого было замечено (в связи с “Войной и миром”), что автор неправ по отношению к своим героям, заставляя их мыслить и чувствовать “через” человека не начала, а середины XIX века. Шолоховский большой текст (всех его произведений) изоморфен эпохе, более того, отсутствие всяких противоречий и односторонность взгляда и говорили бы очевиднее всего о компиляции, подделке и пр.

Парадокс Шолохова: у него в парадигму актуальной истории, горячей, никак не укладывавшейся в какую-либо систему политики, встроилась метафизика российской истории. Вот что поразительно: ведь, собственно, две первых книги “Тихого Дона” создавались тогда, когда новая власть ещё не сформулировала окончательно и внятно идеологемы практического свойства, к которым можно было бы прислониться и тем самым дать сверхличностное объяснение судеб героев, поддержанное каким-никаким официальным авторитетом. Но Шолохов ведь не просто описывал “проклятую действительность”, он старался её понять, и как раз тогда, когда решительного, окончательного ответа ещё не было дано.

К слову сказать, реальная политическая жизнь 20-х годов на самом деле бурлила (достаточно перечитать стенографические отчёты съездов и пленумов ВКП(б) – борьба с оппозицией, дело Промпартии, троцкизм и т. д.). И уж точно сидящий в медвежьем углу Шолохов, изредка навевывавшийся в Ростов и столицу, не мог отслеживать все эти подвижки политических платформ, течений, политических раскаяний, примирений, обличения вчерашних соратников и пр., и пр.

Можно заметить, что первые книги “Тихого Дона” – это ещё не антисоветское восстание на Дону, не самые острые страницы третьей книги, воссоздающей метания Григория Мелехова, с печатанием которой у Шолохова были наибольшие трудности. Но основной массив материала у Шолохова был готов к началу 30-х годов, и самое главное – он никак не противоречил тому, что воссоздано и показано писателем в первых книгах романа.

В основе “Тихого Дона” лежит метафизический импульс некоей высшей воли, нуждавшейся в эстетическом эквиваленте исторических потрясений России.

В сегодняшней ситуации современной России на весах снова, как без малого 100 лет назад, лежит судьба государства. Опять многое смешалось в устройстве, политической системе, нравственных постулатах, психологии людей, в постмодернистской культуре, которая занимается, как ей кажется, освоением неусвоенного западного “прогрессивного” опыта, а на деле методично разрушает основания, связанные с тысячелетними традициями своей национальной культуры. Время воистину тяжёлое, переходное. Не даёт покоя мысль, высказанная В. Н. Топоровым: “Россия – храм на крови” и “цена крови в истории российской государственности” ещё не оплачена, а “без этой оплаты благой России не быть”. Это же и мысль Шолохова: от “Донских рассказов” до последних страниц “Они сражались за Родину” – всё кровь, всё боль, всё тяжело в жизни народа. Но шолоховская мировоззренческая и художественная позитивность (“открытость к бытию, доверие к нему”) преодолевает и этот трагизм, эту нескончаемую боль за пережитые народом и страной потрясения запредельного рода.

* * *

Представляется, что говорить о появлении “Шолоховской энциклопедии” вне данного историко-культурного контекста будет не совсем объективно. Сама по себе энциклопедия ориентирована на воспроизведение не только основных дат, событий биографии писателя, особенностей его художественного мира, конкретных эстетических вопросов шолоховского творчества, но также его окружения, она воспроизводит канву его отношений с выдающимися де-

ятелями культуры, науки, военачальниками; через данный материал энциклопедии представлена сама эпоха.

Круг авторов энциклопедии, собравшей, по сути, главные силы шолоховедения, ясно очерчен — это учёные ИМЛИ РАН, Литературного института, Южного федерального университета (бывшего Ростовского-на-Дону), сотрудники государственного музея-заповедника М. А. Шолохова, ряда университетов страны (Москва, Ульяновск, Белгород, Сургут и др.), отдельные исследователи из других городов России, зарубежные шолоховеды. Это те авторы, для которых Шолохов — существенная и важнейшая часть культурного наследия России, гениальный художник, один из самых читаемых авторов современного мира.

Энциклопедия даёт возможность читателю получить объективную информацию о жизни писателя, его человеческом и литературном окружении, об издании его произведений, основных особенностях его художественного мира. Более 700 статей 114 авторов, почти 1000 единиц иллюстративного материала, многие из которых носят уникальный характер и впервые стали доступны рядовому читателю. Хочется подчеркнуть проведённую большую архивную работу, усилия главного художника издания Ю. Басова по созданию богатого зрительного ряда издания.

Выделить кого-либо из коллектива создателей отдельно было бы несправедливо, но три имени хотелось бы назвать. Первое из них — это ушедший от нас в октябре прошлого года Михаил Михайлович Шолохов. Его статья “Слово об отце” открывает том энциклопедии, думается, что так будет и во всех последующих переизданиях. Она даёт необходимый человеческий и нравственный камертон всему изданию. М. М. Шолохов на протяжении многих лет, как и его сын А. М. Шолохов, директор музея-заповедника писателя, всячески способствовал осуществлению данного проекта, вся семья Шолоховых была как бы его постоянным куратором, и, скорее всего, без их участия процесс создания энциклопедии не состоялся бы в настоящем виде.

Э. А. Бессмертных... Это ему, известному деятелю русского книгоиздания, генеральному директору издательского дома “Синергия”, в 2001 году пришла мысль о создании энциклопедии, посвящённой Шолохову. Его усилия на этом поприще воистину бесценны. Собрать воедино научные и человеческие ресурсы, найти преданных единомышленников, создать фонд Шолоховской энциклопедии во главе с Зинаидой Кириенко, добыть в итоге финансирование проекта (низкий поклон ОАО “Газпромбанк”)... Невозможно перечислить, какие трудности пришлось ему преодолеть на этом пути. Но он достойно вынес эти испытания, и его имя по справедливости стоит в основании проекта.

Наконец, Ю. А. Дворяшин. Профессор, доктор филологических наук, главный редактор издания. Достаточно посмотреть на том, состоящий из сотен статей, принадлежащих громадному отряду авторов, представляющих различные научные центры, принадлежащих к различным исследовательским школам, чтобы понять, какая титаническая работа была им выполнена. Соединить, спаять, обработать такое обилие материала, конечно, позволили ему не только высочайший профессионализм, но и любовь к родной литературе, любовь к Шолохову.

Шолоховская энциклопедия, несмотря на установку на максимально полный подход к биографии и творчеству писателя, не ответила на все вопросы и не осветила все проблемы его художественного мира. Это и невозможно сделать применительно к творчеству такого писателя, как Шолохов. Из видимых направлений дальнейшей работы для планируемого второго издания — это уточнение библиографии по Шолохову. Последние десятилетия, к сожалению, привели к тому, что научные и образовательные центры, особенно на периферии, стали *вариться в собственном соку*, кроме того, в России отсутствует внятная информационная политика в области гуманитарных наук, учёные записки, монографии и другие научные издания если и выходят, то микроскопическими тиражами и, тем самым, часто не известны широкому кругу исследователей русской литературы и творчества Шолохова. Задача энциклопедии — как раз предельно полно охватить изданную литературу о Шолохове, систематизировать её. Следует также учесть многочисленные работы, выходящие в мировом литературоведении на протяжении последних 20–30 лет.

По всей видимости, нуждается в дополнительных статьях раздел энциклопедии, посвящённый художественному своеобразию творчества Шолохова,

его эстетике. Необходимо появление статей, посвящённых историзму писателя, характеристике его реализма, нуждается в более широком описании психологизм Шолохова. Исследования последних лет подталкивают к изучению мифопоэтики писателя, к углублённому пониманию традиций Шолохова применительно ко всей истории русской литературы.

Объективно появление шолоховской энциклопедии способствует укреплению таких научных усилий в шолоховедении, их фиксации. Во время разрушения и ниспровержения ценностей, лежащих в основе русского культурно-исторического кода, эта книга есть акт борьбы за кристаллизацию всего позитивного, что есть в русской культуре.

Энциклопедия усиливает наше представление о том, что Шолохов является художником первого плана в русской литературе XX века, без которого невозможно представить её развитие, значение для мировой культуры в целом. Как Пушкин и Толстой в своё время, Шолохов достиг в своём творчестве предельной народности, позволившей ему войти практически в каждый дом, стать социокультурным феноменом по степени распространённости среди читателей, по влиянию на эмоциональный строй и чувства многих миллионов людей.

Воссоздавая в своих произведениях главные, коренные для всей нации в переломные и трагические периоды развития страны события – революцию, гражданскую войну, коллективизацию, Великую Отечественную войну, – шолоховское творчество становилось частью личного опыта многих и многих людей. Его книги никогда не были актуализированы на потребу дня в грубом, политическом смысле слова, они не были конъюнктурны; он всегда стремился дать честный и прямой ответ на самые тяжёлые вопросы, встававшие перед страной и её людьми. В энциклопедии всё это можно вычитать, узнать немало об истинной истории создания “Тихого Дона”, “Поднятой целины”, романа “Они сражались за Родину”.

* * *

Когда читаешь энциклопедию “поряд”, не пропуская статей, не отыскивая того, что тебе интереснее всего, возникает удивительное ощущение, что в России важнее всего – культура, литература, всё остальное является только “приложением”. Вот так и Шолохов. Жила-была страна, её люди свершали большие и малые подвиги, рожали детей, учились, если нужно, погибали за своё Отечество, радовались и скорбели, знали, что время и история, выпавшие на их долю и долю страны, велики и страшны, но всё движется дальше, всё развивается, а рядом живёт писатель, которому Бог дал великий талант всё это воссоздать, запечатлеть навечно.

Кому-то всё казалось, что надо объяснить что-то важное, но с Шолоховым не связанное, например, кто же написал “Тихий Дон”? Ведь и представить трудно, как это можно было написать сразу по горячим следам, когда кровь пролита без меры и никем не забыта, и отстреливаются регулярно прототипы великой эпопеи, такие как Харлампий Ермаков – Григорий Мелехов. Кто спас для нас ту эпоху, кто сказал о ней ту правду, с которой, собственно, никто и не спорит: ни противники, ни сторонники “Тихого Дона”? Шолохов! Спасти время, остановить мгновение – есть ли более высокая оценка творчества писателя? А “Поднятая целина”, где дан ответ на вопрос всей русской литературы XIX века – вопрос о мужике и земле, а “Судьба человека”, без которой понимание Великой Отечественной войны будет неполным и неточным?

Смешно и подумать, что Шолохов в письмах к Сталину в 30-е годы, а по существу – и в “Поднятой целине” защищал своих казаков-крестьян из либерально-гуманитарных побуждений: нарушаются, мол, права человека. Для него было очевидно, что убивается сама жизнь, и за неё необходимо бороться.

Да, Шолохов был близок к власти, но был ли он ею любим? Такую силу сопротивления, какую продемонстрировал писатель в грозные 30-е годы, мало кто показывал в то время. Не случайно он был под прицелом целого ряда деятелей, и, можно сказать, лишь стечение обстоятельств позволило ему избежать самой трагической участи. Не случайно ряд исследователей справедливо назвали его переписку с вождём “архипелагом ГУЛагом”, созданным задолго до солженицынского. Такова картина народных страданий, показанная

Шолоховым в этих письмах, такова сила защиты людей, продемонстрированная им без всякой оглядки на власть; это и сегодня поражает объективного читателя.

В энциклопедии приведено немало свидетельств, мягко говоря, неоднозначных отношений писателя с поздней плеядой вождей – Хрущёвым, Подгорным, Брежневым. Ласковые ухмылки власти – любой и во все времена – значат только одно: тебя используют, тобой прикрываются. Многие совсем неплохие писатели советской литературы не смогли отказаться от заигрывания с властью. Но не Шолохов – он смог всем своим творчеством опровергнуть эту драматическую контроверзу и спасти достоинство и честь русской литературы в XX веке. Не он один, конечно, рядом с ним и А. Платонов, и М. Булгаков, и А. Твардовский, и ряд других писателей.

Но такой – лишь он один.

Авторы Шолоховской энциклопедии в меру своих сил старались это показать.

г. Вильнюс

6 мая 1929 года родился Йоле Станишич, черногорский поэт, критик, публицист, автор многих книг, изданных на сербском и русском языках. Партизан, участник антифашистской Народно-освободительной войны, узник титовского лагеря на Голом острове, югославский политический эмигрант в СССР. Многолетний сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинского дома), академик Международной славянской академии. Инициатор и координатор Международного общественного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии.

От всей души поздравляем с 85-летием нашего дорогого Йоле, брата и соотечественника, верного друга, мужественного соратника в борьбе против тирании, за достоинство славянского мира.

Редакция “Нашего современника”